

Алисия Харт

ТЬМА ВНУТРИ МЕНЯ

Чтобы выжить среди монстров, нужно
выпустить своего

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алисия Харт

Тьма внутри меня

«Автор»

2026

Харт А.

Тьма внутри меня / А. Харт — «Автор», 2026

Земная жизнь Дианы закончилась в ту секунду, когда она закрыла глаза. Сон не принес покоя — он вернул ее домой. Сквозь пелену забвения она очнулась в своем истинном, пугающем теле. В мире, где вечный сумрак разрывают крики чудовищ, она больше не слабая девушка. Она — демоница. Но вернуть память — не значит вернуть себя. Диана оказывается заперта в ловушке двоедушия. Человеческая мораль заставляет ее стремиться к свету, в то время как первобытная демоническая кровь требует жестокости и власти. Вокруг сгущаются тени, а мир монстров не прощает слабости. Чтобы выжить среди тварей, ей придется самой стать чудовищем. В этой бездне греха и крови она встречает Его — того, чья темная суть связана с ней нерушимыми узами. Проклятие это или спасение? Сможет ли она удержать демона на привязи, или тьма внутри нее поглотит этот мир без остатка?

© Харт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Диана	8
Глава 2. Пепел	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алисия Харт

Тьма внутри меня

Пролог

Тёмная ночь заглядывала в узкое, полугрязное окно, больше похожее на амбразуру тюремной камеры. В этом доме, затерянном на задворках тёмной стороны Дессы, не было ни электричества, ни тепла – лишь удушливый, горький дым от догорающей в печи лучины да хриплое, задышающееся дыхание роженицы. Молодая измученная женщина корчилась от мучительной раздирающей боли, выгибалась дугой, при этом цепляясь пальцами за серую соломенную подстилку. Она заглушала сжатой в зубах застиранной тряпкой собственные страдальческие крики, но на пике ещё одной потуги серая сермяга выскользнула из её ослабевших челюстей, и избу сотряс надрывный вопль, эхом прокатившийся по комнате, где кругом царила нищета, пахнувшая сыростью и дешёвым лампадным маслом.

– Родная, милая моя – мужчина тихо всхлипнул, прижавшись холодным лбом к её разгоряченной руке – Потерпи, прошу. Повитуха сказала осталось немного, и Великая Мать забрет тебя к себе. Там не будет боли, больше никаких мук, слышишь? Я не хочу этого, Бездна тому свидетельница – он затрясся от тихого плача – Не хочу, но знаю: там, в чертогах тёмной святыни, тебе будет лучше чем здесь.

В ответ ему раздалось очередное стенание жены, да тихое бормотание священных слов Матери – Настоятельницы из храма Высшего Милосердия, помогающей несчастной родить двенадцатого ребенка.

Закатав рукава тёмного одеяния, повитуха умело вела эти долгие, мучительные роды. Когда в хижине прозвучал последний стон роженицы, служительница бережно приняла младенца в свои руки.

Действуя уверенно и быстро, она обмыла кричащую девочку подготовленной чистой тёплой водой из глиняного чана, смывая следы крови и первородной смазки. Затем укутала крошечное тельце в старое, потрепанное, но тщательно выстиранное одеяло.

Уложив младенца на грудь роженицы, настоятельница выпрямилась и посмотрела на молившегося Хаосу мужчину, который по-прежнему стоял на коленях возле побледневшей жены и новоиспеченной дочери. Её лицо оставалось отрешенным. Теперь она неподвижно стояла посреди полутёмной комнаты, дожидаясь пособку с ледяной водой из колодца.

По древнему канону храма Высшего Милосердия, вода была необходима для обряда очищения – священного омовения, которое должно было разорвать узы между душой матери и ребёнка, если тому было суждено покинуть родной дом.

Когда слабый писк новорожденной девочки вновь разорвал гулкую тишину комнаты, деревянная дверь хижины с треском распахнулась. Холодный, влажный вихрь ворвался внутрь, едва не слизнув остатки пламени. На пороге стояли двое. Первой шла сгорбленная деревенская пособка с тазом, в котором звякала колодезная вода. За её спиной, едва не задевая головой низкий потолок, возвышался силуэт в глухом угольно-чёрном плаще, полы которого матово поглощали скудный свет ночного неба. Это был Цензор Искры. Тот, чьё появление в бедных кварталах смертных всегда означало либо великое избавление от нищеты, либо вечное проклятие. С его приходом в комнате воцарилась молчание. Напряжённая, пугающая атмосфера мертвой хваткой сдавила полутёмную хижину. Даже новорожденное дитя на мгновение затихло, словно испугавшись холода, который принёс с собой этот человек. Слышно было лишь, как потрескивает чудом не потушенный огонь, да хриплое дыхание дарующей жизнь.

В этой удушливой страшной тишине умирающая женщина заговорила первая. Она прекрасно понимала, что её время иссякло. Она чувствовала, как кровь остывает в жилах и Великая Мать уже протягивает к ней свои невидимые длани.

С трудом повернув голову к застывшему у настла чиновнику, она нашла в себе силы нарушить безмолвие.

– Господин... – её голос прозвучал как шелест сухой травы, но в нём была отчаянная твёрдость. – Я знаю, что ухожу. Великая Мать зовет меня... Мой путь окончен. Но перед тем, как я закрою глаза, умоляю... исполни мою последнюю волю.

Цензор не шевелился, его лицо в полумраке казалось высеченным из гранита, но женщина продолжала цепляться за его присутствие, как за единственный шанс.

– Запиши её... в свои свитки. Дай ей имя. Пусть вся вселенная знает её как Алистру... Вершительницу и Вестницу Хаоса.

Не произнося ни слова, Цензор еле заметно кивнул и придвинулся к соломенным нарам. Из-под глубокого капюшона не было видно его лица – лишь холодный металлический блеск Окуляра Бездны, закрепленного на левом глазу. Он проигнорировал еле слышный стон измученной женщины и протянул руку к младенцу, завернутому в старое тряпье. Обычные люди замерли от страха и ожидания. Нарушая тяжелую тишину, Цензор достал из-за пазухи хрустальный флакон, в котором тяжело перекачивалась серая алхимическая жидкость – живая ртуть, способная распознать след высшей крови.

Он откупорил флакон и позволил одной-единственной капле упасть на крошечную, сморщенную ладонь новорожденной девочки.

Повитуха затаила дыхание, ожидая увидеть привычный узор – тёмное пепельное пятно, знак демона среднего звена, который гарантировал, что ребёнка просто заберут в армейские казармы, выкупит богатая аристократическая семья или же просто ничего не случится: ребенок будет без силы и останется в семье владеть жалкое существование. Но живая ртуть повела себя иначе. Коснувшись кожи младенца, она не почернела. Жидкость с шипением впиталась, и в ту же секунду по венам девочки разлилось чистое ослепительное золото. Тонкие капилляры под её полупрозрачной кожей вспыхнули сиянием изначального эликсира, заставив Окуляр Бездны на лице Цензора бешено вращаться с тонким паническим свистом.

Ветхие стены нищей избы задрожали, а тени по углам испуганно метнулись прочь, подчиняясь вздоху той, кому суждено было стать Великой Демоницей. Цензор Искры сделал шаг назад, впервые в жизни роняя официальный свиток из дрожащих рук. Тяжело дыша, он поднял бумагу и выскочил из прогнившей лачуги в холодную, пропитанную сыростью и морозящим дождем тьму. Ледяные капли мгновенно остудили раскаленный металл Окуляра, который до сих пор тихо и панически вибрировал на его лице. Руки чиновника дрожали, когда он на ходу прятал пустой пергамент обратно под полы плаща. Не разбирая дороги, он быстро направился по грязи к стоявшей недалеко чёрной дорогой карете. Её матовый титановый корпус украшенный гербами древнего рода герцогов Астеров-Аррианских, казался инородным телом среди этих убогих трущоб Дессы.

Кованные рессоры кареты едва заметно качнулись. Окно, обитое плотным фиолетовым бархатом, медленно опустилось, и из темноты салона послышался глубокий, властный голос:

– Ну что, на этот раз не пустышка? – Нет, господин... – дрожащим, сорвавшимся голосом ответил Цензор, низко склоняя голову перед невидимым собеседником. Он судорожно сглотнул, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

– Девочка с силой... Но придется выложить за неё в пять раз больше намеченной цены.

Герцог внутри кареты недовольно нахмурился и в глубине салона опасно вспыхнул синий сапфировый отблеск его глаз – признак чистокровной аристократии Арии, которая еще не успела ассимилироваться на Тёмной стороне Дессы.

– По какой причине? – в его голосе звенящим металлом прорезалось раздражение.

– Её сила... Я не уверен, мой лорд, но приборы зафиксировали золотое свечение. Возможно, в ней запечатан изначальный эликсир бессмертия. Древняя кровь. Быть может, лучше мы немедленно заберем её в Цензариат для изучения? Она может быть смертельно опасна для вашего дома...

– Нет, – отрезал герцог и его тон не терпел возражений. – Я не могу больше ждать. Я обещал герцогине привезти ребёнка сегодня. Клан угасает, нам нужна эта кровь, кем бы ни был этот младенец. Напиши чек. Департамент Кровного Наследия покроет любые расходы.

Цензор покорно склонился еще ниже, торопливо доставая гербовый бланк:

– Хорошо, господин. Но есть еще кое-что. Женщина в хижине, она Призванная. И перед кончиной просит об одной просьбе.

Карета погрузилась в короткое тяжелое молчание. Тёмные лорды презирали слабость, но чтили нерушимые догмы Бездны.

– Ты знаешь кодекс, цензор, – ровным ледяным тоном отозвался изгнанный ангел – Последняя просьба Призванной – закон. Чего она хочет? Ещё денег для своих оставшихся голодранцев?

– Нет. Господин, – Цензор Искры поднял свои испуганные глаза на окно кареты. – Она хочет, чтобы девочку назвали Алистрой.

Герцог молча кивнул, соглашаясь с последней волей, и окно кареты с глухим стуком закрылось. Так судьба великой демонессы Астарты в теле маленькой Алистры была решена за пару минут, пока холодный дождь Дессы продолжал смывать следы её истинного происхождения. Её умершая мать так и не узнала, насколько пророческим оказалось имя, данное дочери при рождении.

Глава 1. Диана

Октябрь в нашем городе всегда пахнет гнилыми листьями, дешёвым табачным дымом и безысходностью. Для меня этот месяц – затяжной прыжок в обжигающе холодную воду, из которой невозможно вынырнуть... Именно так я ощущала свою жизнь в тот момент. Но если отбросить метафоры и вернуться в реальность, то мне пятнадцать, меня зовут Диана, я учусь в девятом классе обычной серой общеобразовательной школы и каждый день искренне ненавижу утро.

– Диан, вставай... Они опять орут, – тихий, дрожащий голосок Тёмы выдернул меня из остатков сна.

Я резко распахнула глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Секунду назад мне снова снилось то безумное, выжигающее изнутри полнолуние с тремя огромными дисками на небе, но реальность заставила меня мгновенно опуститься на землю. Над нашей старой провалившейся тахтой грязно-зеленого цвета, на которой мы с восьмилетним братом спали вдвоём, нависал потолок с жёлтыми разводами от вечных потёков. Обои в комнате давно отвалились клочьями, обнажая серую сырую штукатурку. За хлипкой дверью в материнской комнате разразился очередной ад. Пьяные выкрики, звон бьющегося стекла, глухой удар и отборный мат. Наша мать – Надежда... И ведь имя-то какое... Надежда. Даже смешно. Вся её «надежда» измерялась ценой дешёвой водки, а главной целью в жизни было наскрести лишнюю копейку на очередную рюмку... Но ладно, я отвлеклась...

Наша мать Надежда снова пила с какими-то непонятными личностями, которых приволокла с улицы несколько дней назад. Они бухали, дрались, ругались и этот кошмар казался бесконечным. Из коридора доносилась удушливая, тошнотворная вонь дешёвого пойла, перегара и сигарет. За долги по коммуналке у нас давно грозились отключить свет и воду, а в старом холодильнике на кухне мышь могла бы повеситься, если бы там было хоть что-то кроме банки заплесневелых огурцов и корки ржаного хлеба. Но мышь даже и не сунулась в этот холодильник. Видимо, побоялась умереть от голода ещё на пороге. Продуктов у нас не было никогда.

– Всё хорошо, Тёмка. Иди умывайся, я сейчас, – и ласково потрепала брата по белокурой голове, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Он послушно кивнул и шмыгнул носом. Тёма учился во втором классе в той же школе, что и я. Заботиться о нём, кормить, одевать и водить на уроки давно стало моей прямой обязанностью, потому что матери было абсолютно плевать, живы мы вообще или нет. Я поднялась с постели и подошла к стулу, на котором висела моя школьная одежда. Пальцы привычно коснулись грубой ткани старой растянутой и потертой кофты, которая когда-то была серой, а теперь напоминала грязную тряпку. Застиранные, заношенные до дыр джинсы и выдавшие виды стоптанные кеды с лопнувшей подошвой – вот и весь мой гардероб. Вещи насквозь пропитались этим домашним, вьёвшимся в стены сигаретным дымом и нищетой. Как бы часто я ни пыталась стирать их вручную в раковине в холодной воде, потому что горячей всегда не было, этот запах не исчезал.

В школе меня за это откровенно презирали. Одноклассники – стая сытых модно одетых хищников – обходили меня стороной, демонстративно зажимая носы при моем приближении. «Эй, вонючка, от тебя опять несёт алкашами!» – эта фраза летела мне в спину каждый божий день. Издевательства, злые насмешки, толчки в коридорах – я привыкла терпеть это, сжав зубы и опустив голову. У меня не было сил огрызаться. Все мои силы уходили на то, чтобы просто выжить.

Единственным человеком, который не отвернулся от меня в этом классе, была Тася. Таисия – странная девчонка, которая сидела со мной за одной партой. В школе её считали сумасшедшей ведьмой. Она постоянно таскала с собой колоду карт Таро, что-то шептала и утвер-

ждала, что в её роду по женской линии все занимались древним ведовством и колдовством. Самое жуткое, что все её предсказания всегда сбывались с пугающей точностью. Тася была единственной, кто знал, через какой ад я прохожу дома, и почему после шести уроков я не бегу гулять, а иду в местный супермаркет на окраине спального района. Там, в душном торговом зале, за пару тысяч рублей в месяц я хватала тяжелую швабру и до поздней ночи мыла грязные полы, смывая следы чужих дорогих ботинок. Каждый рубль с этой подработки шёл на хлеб, молоко и дешёвые макароны для Тёмы. Я откладывала копейки, чтобы хоть как-то прокормить брата, пока в моей голове каждую ночь продолжали загораться три огромные величественные луны, зовущие меня в мир, где я не была слабой и уязвимой девочкой из обшарпанной пяти-этажки.

***

Закончив с водными процедурами, мы переоделись и еле слышно ретировались из дома под чей-то нетрезвый рык. Брат послушно натянул заношенную курточку, взял меня за руку, крепко вцепившись в мою ладонь. Он не задавал вопросов – слишком хорошо знал, что в такие моменты нужно просто исчезнуть, раствориться в темноте подъезда, пока пьяная ярость за дверью не перекинулась на нас. Мы вышли на улицу и побрели через холодный октябрьский туман в сторону школы. Я довела его до двери кабинета второго класса, поправила съехавший ранец и обняла.

– Учись хорошо, мелкий. После уроков я тебя заберу, – улыбнулась я, стараясь выглядеть бодрой.

Тёма кивнул и скрылся за дверью, а я повернулась, чтобы идти на свой этаж. Но у лестницы меня ждал тёплый «приём». На площадке стояла Кристина – первая красавица нашего класса, окружённая своими верными шестёрками. Стоило мне поравняться с ними, как они демонстративно зажали носы и отшатнулись.

– Фу-у, девчонки, вы чувствуете этот изысканный аромат? – нарочито громко, на весь коридор заржала Кристина, глядя на мою растянутую кофту. – Это новая коллекция «Бомж-стайл» от Дианы! Пахнет дешёвым табачищем, сивухой и помойкой. Власова, твоя мамаша хоть иногда трезвеет, чтобы постирать тебе шмотки? Или ты сама в луже их полощешь?

– Гляньте на её кеды, там скоро подошва совсем отвалится, – поддакнула её подружка Вика, брезгливо разглядывая мою потрёпанную обувь.

– Слышь, сирота при живой матери, может, скинемся тебе на мыло? А то сидеть с тобой в одном кабинете просто нереально, глаза режет!

Вокруг начали оборачиваться другие ученики, послышались смешки. Слова Кристины жалили, как осы, но я лишь сильнее сжала лямки своего старого рюкзака, опустила голову и быстро прошла мимо них. Сердце горело от унижения, но я привыкла. У меня просто не было сил на драки и споры.

К середине дня эти силы иссякли окончательно. На перемене после четвёртого урока Тася внимательно посмотрела на меня, отложив в сторону свой блокнот с астрологическими символами.

– Диан, на тебя смотреть страшно. Ты бледная, как смерть, кожа аж светится, – Тася коснулась моего плеча, и её глаза цвета кофе сузились от беспокойства. – Что с тобой? Руки трясутся. Ты хоть ела сегодня что-нибудь или опять плохо спала? Тебе опять снилось то полнолуние да? Ну, те три луны, о которых ты говорила?

Я тяжело опустила голову на сложенные на парте руки. Меня всю лихорадило, а перед глазами до сих пор стоял тот выжигающий серебряный свет.

– Да, Тась, я ела. И да, они опять мне снятся. Я так сильно устала... – выдохнула я – Ложусь спать и как будто проваливаюсь в какую-то бездну, где эти три луны просто выжигают мне разум. Просыпаюсь разбитой, всё тело ломит, дома ад, в школе эти стервятники... Я больше не могу, у меня нет просветов.

Тася нахмурилась, судорожно сжав пальцами свою сумку, где лежала заветная колода Таро.

– Так, всё, хватит это терпеть, – решительно перебила она меня. – Диан давай я тебе погадаю. Серьезно. Хотя узнаем, будет у тебя в жизни этот чёртов просвет или нет, к чему вообще эти три луны тебя ведут. Но не здесь, в школе шумно, карты не любят чужие уши. Давай договоримся так: после уроков ты забираешь Тёмку, и вы идёте ко мне. У меня дома чисто, тихо, порядок. Тёма как раз поиграет с моими сёстрами, они его быстро отвлекут, а мы закроемся в комнате. Погадаем, чаю попьем, вкусняшек купим, отдохнешь хоть немного. Пожалуйста, Диан. Соглашайся.

Я посмотрела на искреннее, взволнованное лицо подруги. Мысль о том, чтобы провести вечер в чистой, спокойной квартире Таси, а не возвращаться в пахнущую перегаром квартиру матери, показалось мне спасением.

– Ладно, – тихо выдохнула я, чувствуя, как по телу разливается минутная слабость. – Спасибо, Тась. Мы придем.

Я ещё не знала, что этот расклад карт станет последней чертой, отделяющей мою нищую земную жизнь от холодного, величественного мира Дессы.

***

После уроков мы, как и договорились, забрали притихшего Тёмку и пошли к Тасе. Её квартира встретила нас тем, чего в моём доме не было уже много лет – теплом, уютом и оглушительным, но весёлым детским смехом. Едва мы переступили порог, как три младшие сестрёнки Таси с писком окружили Тёму, тут же уволаскивая его вглубь коридора показывать гору игрушек и лего. Мой брат сначала растерялся, а потом робко улыбнулся и пошёл за ними. На душе впервые за день немного отпустило.

Тася критически осмотрела меня с ног до головы, задерживая взгляд на заношенных до блеска джинсах и прокуренной кофте.

– Так, Диан, марш в ванную, – безапелляционно скомандовала она, подталкивая меня к двери. – Смой с себя этот сумасшедший день. Полотенце чистое на стиралке. Греешься, сколько хочешь, поняла? А потом поужинаем все вместе.

Я благодарно кивнула. В ванной у Таси было стерильно чисто, пахло лавандовым мылом и хвоей. Я включила воду, но стоило струям потечь из лейки, как внутри привычно сжался холодный комок страха. Прошло восемь лет, но тело до сих пор помнило ту ледяную ванну, отнимающее ощущение, что я задыхаюсь под водой. Трясущимися руками я настроила тёплую воду и встала под душ, стараясь принимать его как обычно – быстро, не закрывая глаз, чтобы не оставаться один на один с темнотой. Но стоило каплям коснуться лица, как реальность вокруг меня с тихим гулом треснула, и я снова провалилась в тот самый, глубоко похороненный кошмар своего детства. Мне было всего семь, когда тот ад начался. Я до сих пор помню липкий, парализующий страх, который сковывал меня каждый раз, когда отчим заходил в комнату. Помню его тяжелые шаркающие шаги, удушливый запах и то, как он трогал меня, маленькую, беззащитную девочку, своими грязными пожелтевшими пальцами с жесткими пластинами ногтей. Я не понимала, почему близкий человек делает мне так больно. Этот кошмар длился около двух лет. Каждый вечер я замирала от ужаса, пряталась под кроватью, под одеялом, даже в шкафу, но он всегда находил меня. Всегда.

А потом была та страшная ночь, когда я наконец, набралась смелости и сквозь слёзы рассказала всё маме. Я ждала защиты, ждала, что она обнимет меня и спасёт. Но мама, пьяно покачиваясь, лишь злобно зыркнула на меня, отвесила тяжелую пощечину и обозвала малолетней лгуньей, которая пытается разрушить её «счастье». Она ушла, хлопнув дверью, а в квартире воцарилась зловещая тишина. Я стояла в коридоре, а щека горела багровым отпечатком пощёчины. Обернувшись, я замерла: в межкомнатном проеме стоял он, разглядывая меня с хищным взглядом и такой же хищной улыбкой. В панике я не придумала ничего лучше, как

рвануть к ванной комнате. Я попыталась захлопнуть за собой дверь, но в последнюю секунду её перехватили его узловатые пальцы и распахнули настежь. Жесткие ладони резко схватили меня за волосы, лишая возможности дышать. Секунда – и лицо погрузилось в воду. Мою голову намертво прижали ко дну чугунной ванны, которая, я готова была поклясться – была набрана заранее. Вода хлынула в легкие, выжигая их изнутри, перед глазами начали взрываться алые и серебряные искры. Я отчаянно царапала его предплечья, пыталась вырваться, но сознание уже медленно угасало, погружаясь в чёрное небытие. И в тот самый миг, когда я сделала последний вдох воздуха, выныривая на поверхность, я почувствовала, как пространство вокруг внезапно замёрзло. Отчим тоже это заметил и ослабил хватку, я же, воспользовавшись минутной заминкой, развернулась и увидела, как из глухой, непроглядной темноты угла, ломая саму реальность, соткалась огромная, клубящаяся тень. Она двигалась бесшумно, как олицетворение самой смерти. Тень плавно протянула свою бесплотную руку и коснулась плеча отчима.

Произошло то, что до сих пор заставляет меня просыпаться в холодном поту: его физическое тело прямо на моих глазах начало стремительно чернеть и рассыпаться густым антрацитовым дымом. Через секунду он исчез, дым улетучился под потолок, а тень словно бы слегка поклонилась мне и тоже растворилась в воздухе. На полу не осталось ни единой улики, ни единой капли крови. Ни-че-го. Мой мучитель исчез из этого мира навсегда. С тех пор полиция считала его пропавшим без вести, а мама начала пить ещё больше а я...целых шесть лет жила с этой тайной. Детская психика умеет защищаться. Все эти годы я уверяла себя, что чёрная тень и рассыпающийся в дым человек – это лишь жуткая, безумная галлюцинация на фоне нехватки кислорода и утопления. Просто фокус умирающего разума. Но почему тогда каждый раз, когда я закрываю глаза, мне кажется что эта тень продолжает стоять за моей спиной?

Я резко встряхнула головой, смывая с лица настоящие горячие слёзы, смешавшиеся с каплями душа. Выключив воду, я судорожно вздохнула. Травма никуда не ушла – она сделала меня той, кто панически боится прикосновений мужчин и обычной воды.

Когда я вышла, замотанная в пушистое полотенце, Тася уже ждала меня в своей комнате. На её кровати аккуратной стопкой лежали вещи.

– Вот, держи, – подруга протянула мне мягкий плотный свитер приятного винного оттенка и темно-синие джинсы. – Это моё, я почти не носила, мне маловато. Хватит ходить в том растянутом ужасе, Диан. Носи на здоровье.

Я взяла вещи, чувствуя, как к горлу подступает комок. Свитер пах кондиционером для белья и настоящим домом. Он сел на меня идеально, скрывая выпирающие от недоедания ключицы, а джинсы оказались крепкими и совершенно целыми, без потёртостей. Я посмотрела на себя в зеркало и впервые за долгое время увидела не замученную тень, а обычную симпатичную девчонку.

Тася подошла к дверному стеклу, через которое было видно, как на ковре в зале Тёмка увлеченно строит огромный замок вместе с девочками. Брат смеялся – искренне и громко.

– Как же хорошо, что он у тебя такой спокойный, – тихо вздохнула Тася, а потом её лицо помрачнело, и она с сожалением повернулась ко мне. – Блин, Диан...Прости. Я сейчас перебрала все шкафы девчонок, думала, может от них какая-то одежда Тёме подойдет на вырост, но у них всё девчачье, в рюшах и розовое. Могу только белую футболку отдать. Как назло, ни одного знакомого в доме нет, чтобы пацану твоему хоть куртку нормальную или штаны подобрать. Так обидно.

– Ну что ты, Тась, – я торопливо подошла и обняла подругу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. – Спасибо тебе. За всё. За то, что приютила, за свитер...Это и так слишком много для нас.

Тася крепко сжала меня в ответ, а потом мягко отстранилась и серьезно посмотрела мне в глаза. Она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала оттуда тяжелую бархатную коробочку, в которой покоилась старинная, потертая по краям колода карт Таро.

– Сейчас поужинаем, а потом начнём...

***

– Ладно, – выдохнула Тася, зажигая маленькую свечу на столе. – Время пришло. Садись напротив Диана. Давай снимем замки с твоих трех лун и посмотрим, что за будущее приготовила тебе Вселенная.

Тася глубоко вздохнула и трижды постучала по старинной деревянной рубашке карт, прогоняя лишнюю энергию, как учила её бабушка. В комнате воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь тихим треском свечи. Подруга начала медленно, сосредоточенно тасовать колоду. Шуршание плотного картона успокаивало, но стоило Тасе вытянуть первую карту, как пламя свечи испуганно дернулось и вытянулось вверх тонкой стрункой.

На стол легла первая карта – «**ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА**»

Женщина на рисунке сидела между чёрной и белой колоннами, а на её голове сияла корона из трёх лун, точь-в-точь как в моих снах.

– Диан... – Тася сглотнула, и её голос стал непривычно низким. – Смотри. Жрица – это скрытая суть. Тайные знания. Карта говорит, что в тебе заперто то, о чем ты сама забыла. Ты как будто живёшь между Добром и Злом. Как будто на два мира.

Она вытянула вторую карту и резко перевернула её «**ВЛЮБЛЕННЫЕ**».

– Это про какую-то неправильную любовь, – торопливо зашептала подруга, вглядываясь в переплетенные фигуры на рисунке. – Где-то там, в будущем тебя ждет твоя вторая половина. Жестокий человек, который умер.. или умирал... вместе с тобой?.. – едва слышно обронила девушка. Она медленно перевела на меня глаза, в которых читалось глухое, неподдельное замешательство. – Это было давно, много лет назад.

Мои пальцы под столом судорожно сжались.

Тася занесла руку над колодой, медля, словно боялась того, что выпадет дальше. Наконец, она вытащила последнюю карту и шумно выдохнула. Это была «**ЛУНА**». На ней была изображена огромная давящая сфера, с которой на высокую стену капало золото, а за стеной простиралась бескрайняя пустошь.

– Мне страшно Диан, – Тася побледнела и дрожащими руками начала быстро собирать карты обратно в коробку. Я сидела как громом пораженная. Пророчество подруги тяжелым камнем легло на сердце. Наше гадание прервал робкий стук в дверь. На пороге стоял Тёмка. Его заношенная футболка была в пятнах от сока, а на лице светилась редкая счастливая улыбка – сестрёнки Таси заиграли его до упада. От него, как и от меня раньше, пахло домашним кислым дымом нашей хрущёвки.

– Тём, иди-ка сюда – ласково позвала Тася, прерывая гнетущую атмосферу – Давай мы и тебя в порядок приведем. Марш в ванную, погрейся, а я пока достану Юлькину белую футболку, она, конечно может быть маловата, хотя... Ты такой худенький...

Брат послушно пошел мыться, а я какое-то время молча оставалась сидеть на кровати, пока Тася копалась в шкафу. Затянувшуюся тишину нарушил тихий шорох – в комнату вошла подруга, бережно неся в руках кристально-белую футболку. Она присела рядом и тихо произнесла:

– Ты извини меня, Диан, но я правда не понимаю... Ну как у такой матери, как ваша, могли родиться настолько прекрасные дети? Ты просто замечательная, классная, безумно красивая девушка. А Тёма? Тёма у тебя вообще загляденье, как ангел. Светловолосый, глаза голубые, яркие – просто лазурные! Девчонки будут бегать за ним... Ну вот, как так получается, а?

Я пожала плечами:

– Злая шутка природы

Наш разговор прервал тихий щелчок открывшейся двери. Тёма вышел из ванной чистый, покрасневший и сонный, бережно придерживая огромное полотенце на бёдрах.

– Ну, нам пора – выдохнула я

Часы на стене безжалостно показывали поздний вечер. Нам было пора уходить. Как бы сильно ни хотелось остаться в этой тёплой, стерильной чистоте и уюте, мы не могли прятаться вечно. Мы нехотя натянули свою старую верхнюю одежду и подошли к двери. Мягкий винный свитер, подаренный Тасей, приятно грел тело, но стоило нам выйти на лестничную клетку, как в нос снова ударил знакомый въевшийся запах сырости. Взявшись с Тёмой за руки мы медленно поплелись по тёмной октябрьской улице обратно к нашей пятиэтажке. После недолгого молчания брат ошарашил меня неожиданной фразой:

– А гадать нельзя. Гадание – это грех. Я посмотрела на него сверху вниз и растерянно спросила:

– С чего ты взял? Кто тебе об этом сказал? Он лишь пожал плечами и едва заметно качнул головой:

– Не знаю. Я всегда это знал. Я ничего не ответила, лишь крепче сжала его холодную ладошку, чувствуя, как внутри меня медленно, но бесповоротно замерзает последняя надежда на нормальную жизнь.

***

Мы вернулись в пустую квартиру. Дома стояла гулкая, звенящая тишина – матери не было, как и её вечных собутыльников. Видимо, они опять шатались по тёмным улицам в поисках денег на очередную бутылку или оккупировали лавочку в соседнем дворе: орали дурными голосами, матерились и мешали людям спать. Тошнотворное предчувствие их возвращения тяжёлым камнем легло мне на грудь. Я помогла Тёме раздеться и уложила его на тахту. Натянув на его худенькие плечи старое, колючее одеяло:

– Засыпай, мелкий. Завтра вставать рано, в школу опоздаем.

Брат послушно закрыл глаза и вскоре задышал ровно и глубоко. Я присела на край постели и вытянув ноги уставилась в окно. Спать не хотелось совершенно. За стеклом раскинулось бездонное ночное небо, усыпанное на удивление яркими, сияющими звёздами. Они мерцали так равнодушно и чисто, словно им не было никакого дела до того ледяного кошмара, который разворачивался в нашей квартире. Я легла рядом с братом и начала гипнотизировать эту далёкую лазурную высь, и тишина вокруг казалась мне той холодной водой, из которой я так отчаянно пыталась вынырнуть.

Как же я устала от этой жизни. От этих пятнадцати лет жалкого существования. Хотелось лечь на голый асфальт и заорать во всё горло от внутреннего чувства безысходности, но пока на меня орала только мать, когда не могла найти денег на выпивку или ей не хватало, а я не могла ей помочь.

– Зачем я вас только родила? Потаскуха мелкая и спиногрыз! Устала, как же я от вас устала! Глаза бы мои вас не видели, сдать бы вас куда-нибудь, избавиться раз и навсегда! – её пьяный, сорванный крик до сих пор набатом стоит в моих ушах.

Что говорить, буквально позавчера вечером моя мать шаталась, размахивая пустой бутылкой, выплескивая на меня всю злобу, лишь из-за того, что я спросила, осталось ли что-то с тех выплат, что она получает на нас с Артемием. Мне нужна была новая обувь да и Тёме тоже, ведь зима дышала в спину, а из тёплого у нас на двоих оставались лишь мои прохудившиеся кеды и его старые детские ботинки, которые давно жали ему в пальцах. Но до неё было не достучаться, ей было всё равно. Лишь её проблемы и только. Я стояла перед ней посреди обшарпанной кухни, сжав кулаки, и молча глотала слёзы, пока её сожителю пьяно гоготали на заднем плане. Единственное, что меня спасло в тот момент, – это мысль о том, что, хорошо Тёмка этого не слышит. Ведь он всё ещё любит мать, а я уже нет. Я не люблю и не ненавижу её, я просто ничего к ней не чувствую.

В тот момент мой восьмилетний брат ночевал у тёти Вали – одинокой пожилой соседки из дома напротив. Тётя Валя была давней подругой моей покойной бабушки, от которой нам и досталась эта квартира. Она жалела нас, подкармливала домашними супами и забирала Тёму

к себе в те дни, когда в нашей хрущёвке начинался совсем уж невыносимый дебош. Вот и позавчера Тёмка спал в чистой тихой соседской квартире, пока меня дома ломали на куски.

Таких ссор было сотни, но однажды я не выдержала. Закрывшись в нашей комнате, я опустила на прожжённый от сигарет линолеум и зарылась лицом в колени. В тот вечер, около месяца назад, во мне что-то окончательно треснуло. Отчаяние, густое и чёрное, сдавило горло. Я так сильно устала. Устала от вечной нищеты, от запаха перегара, от издевательств в школе, от грязных полов в супермаркете и вечного, сосущего чувства голода. Мысль о том, чтобы покончить с собой, впервые показалась мне такой заманчивой и простой. Достаточно было просто сделать один шаг, прекратить эту ежедневную пытку, уснуть и больше никогда не просыпаться. Я уже готова была сдаться, но перед глазами встало лицо Тёмы – моего маленького беззащитного брата, так похожего на ангелочка, у которого во всем мире не было никого, кроме меня. Если я уйду, мать продаст квартиру за долги или её лишат родительских прав, а его сдадут в детский дом, где сломают окончательно. Ответственность за эту крошечную жизнь держала меня крепче любых цепей. Я не могла оставить его одного. Просто не имела права.

Поднявшись на негнущихся ногах, я уткнулась лбом в холодное стекло окна. Там, за слоем многолетней пыли и дождевых разводов светились редкие огни дома напротив. Тогда я впервые в жизни взмолилась. Слёзы обжигали щеки.

– Пожалуйста... Кто-нибудь, – шептала я в пустоту, сжимая на груди воротник растянутой кофты. – Бог, высшие силы... если вы слышите меня, помогите. Дайте мне хоть какой-то знак. Покажите, что это всё не зря. Намёк, шёпот, что угодно... Просто измените мою жизнь и жизнь брата в лучшую сторону. Я больше не справляюсь сама.

Я умоляла о спасении, не зная, что вселенная услышит меня слишком буквально. Именно после той ночи, когда мой личный ад достиг своего пика, мой разум тронулся с места. Сначала мне начало сниться полнолуние. Огромная, неестественно близкая луна висела над головой, заливая мои сны странным, плотным серебристым светом. Этот сон повторялся каждую ночь на протяжении трёх недель, выжигая из памяти земные кошмары и заполняя внутреннюю пустоту странным предчувствием. А затем сон изменился. Луна расстроилась. Три полные луны – фиолетовая, серебряная и ослепительно белая – теперь каждую ночь занимали всё небо в моих видениях, подбираясь всё ближе и ближе к сознанию. Они снятся мне по сей день и с каждым разом их свет становится всё более осязаемым, словно замок в моей голове вот-вот сорвется с петель.

Глава 2. Пепел

Утренний туман над плацем Военной академии «ВАЭТН» напоминал сырой смог. На Дессе рассветы никогда не бывали яркими, но сегодня завеса облаков казалась особенно тяжелой, матово-свинцовой. Я стоял на правом фланге элитного строя пятого курса Ликвидаторов, замерев по струнке. Чернильно-чёрное сукно мундира привычно облегало плечи, воротник-стойка намертво подпирал подбородок, а пуговицы были скрыты под тканевой планкой, чтобы ничто не нарушало безликий, суровый армейский устав. Мой взгляд, холодный и пустой, был устремлён в серую дымку.

Этот день с самого начала пошёл паршиво. Внутри, в самой глубине израненной души, ворочалось тяжёлое, предчувствие, от которого судорожно тикал аурометр в кармане кителя. Но самое главное – сегодня был особенный, проклятый день. Ровно восемь лет. Восемь лет с тех пор, как привычный мир рухнул, оставив от моей семьи лишь выжженное пепелище, а из меня самого сделав Пепла – безжалостного, не чувствующего боли палача с мёртвыми серебряными глазами и полностью седыми волосами. Восемь лет со дня, когда погибли мои родители и бесследно исчезла моя семилетняя сестра Алистра.

Я закрыл глаза, и плац Академии вместе с хриплыми командами офицеров растворился. Память безжалостно, рывком швырнула меня в прошлое, заставляя заново пережить тот ужас, с которого всё началось.

Ирония моей жизни заключалась в том, что в моих жилах текла чистейшая кровь Высшего общества Арии. Мой отец Разиэль и мать Этерна были истинными, высокородными ангелами, чьи хрустальные крылья когда-то звенели в сияющих залах Светлой стороны.

У них должен был родиться такой же безупречный, лучезарный наследник. Ангел. Но вселенная сыграла с ними злую шутку: тест «живой ртути» при моем рождении выдал аномалию. Вместо чистой искры Света во мне спала первородная, непроглядная душа демона. Целый год родители, рискуя собственными жизнями, подделывали медицинские отчёты и скрывали этот позор от Высшего Судейства планеты. Но когда нас раскусили, выбора не осталось. Чтобы спасти своего «чудовищного» годовалого ребёнка от немедленного распыления души Инквизицией, они совершили великое прегрешение — выкрали Ключи от Врат и сбежали с Арии на Тёмную сторону, на Дессу, попросив политического убежища у Селестиана.

На Дессе мы получили титул герцогов. Здесь же, спустя год, мои родители выкупили через Департамент Кровного Наследия маленькую девочку. Алистру. Они воспитывали её, как свою дочь и мою названую сестру. С самого рождения её смех заполнял каждую комнату нашего дома. Она была живым, чистым пламенем, но в какой-то момент к семи годам она словно надломилась – притихла, осунулась и стала похожа на хрупкую фарфоровую статуэтку, тень самой себя. Но несмотря на это мы по-прежнему были с ней неразлучны. Я испытывал к ней невероятную, почти болезненную тягу, хотел быть рядом каждую секунду, хотел укрыть её от всего мира... И в то же самое время я задыхался от лютой, ни с чем не сравнимой ненависти к ней. Я ненавидел её до дрожи в руках, но понятия не имел, почему это чудовищное чувство живёт во мне.

Мои родители наивно верили, что худшее позади. Что на этой планете мы сможем скрыться и жить как прежде – просто забыв, что для Арии мы стали клеймёнными предателями. Но они просчитались. Светлые жрецы никогда не забывали про украденные Ключи. Трагедия настигла нас, когда мы возвращались на дипломатическом шаттле с Тиссы. Перехват был разыгран как по нотам. Корабль выдернуло из подпространства мощным гравитационным ударом и швырнуло на мертвую, необитаемую планету. Наш титановый корпус раскололся, а на место крушения десантировались каратели Арии, цинично замаскированные под налет «Псов сияния» — радикальную группировку фанатиков.

Мама погибла первой, закрывая собой наш отход. Радикалы применили против неё Белый Световой Фосфор — алхимический состав, запрещенный всеми конвенциями Конфедерации, но тайно поставляемый фанатикам Жрецами Светлых. Ослепительно-белый, сияющий туман за секунды развеял её защитную ауру. Я до сих пор помню её крик и то, как её кровь закипела прямо в венах. Она стореда заживо, превратившись в фосфорический пепел на моих глазах, пока фанатики безумно орали свои священные гимны.

Отец действовал быстро, понимая, что это конец. Своей магией он грубо, намертво впечатал в мое подсознание ментальный замок, заперев там Ключи от Врат, силой натянул на мой палец серебряное кольцо-блокиратор и приказал бежать в черные скалы, через лес мёртвых. Сам он остался, чтобы сдерживать лидера нападавших — замаскированного Инквизитора Арии. Отец отстреливался до последнего патрона, но его прижали к обломкам обшивки. Инквизитор не стал тратить пули. Он применил высшую световую казнь — «Меч Архангела». Колоссальные, материализованные лучи твердого, концентрированного света пробили ладони, плечи и грудь моего отца, буквально пригвоздив его к искореженному металлу корабля. Этот свет не убивал мгновенно — он медленно, мучительно выжигал его ядро, причиняя адские страдания. Радикалы оставили его умирать на этом световом кресте как предупреждение для всех, кто посмеет предать Арию. Задыхаясь от слёз, я бежал сквозь мёртвый лес изо всех сил сдерживая рвущийся наружу крик, а позади меня полыхало белым фосфором пламя, и сиял ослепительный, карающий крест, на котором умирал отец.

Этот жуткий, слепящий свет навсегда оставил в моей душе шрам в виде люминофобии. Я бежал, пока в один момент вселенский, разрывающий крик боли моей семилетней сестры, раздавшийся в моей голове будто-то из другой галактики, не свалил меня с ног. Наша странная связь резонировала на её исчезновение.

Я потерял сознание, кольцо-блокиратор слетело, и ищейки Светлых легко подобрали беззащитного, оглушенного ребенка. Они два года страшно пытали меня в Белой Цитадели не просто ради Ключей. Они пытали меня с особой, религиозной жестокостью, потому что я был для них «выродком» — сыном святых Архангелов, посмевающим родиться с душой демона Тьмы. И вот родители были мертвы. Алистра просто исчезла, словно испарилась из ткани мироздания. И наступили восемь лет тишины.

***

— Пепел, ты с нами? — глухой, вибрирующий голос выдернул меня из ледяного оцепенения. Передо мной стоял полковник Алахан — боевой наставник, глава ордена Ликвидаторов и командир с позывным Смерч. Тот самый Высший демон, который шесть лет назад возглавил карательный отряд, вырезал светлых жрецов Белой Цитадели и на собственных руках вынес меня, одиннадцатилетнего, полуживого и слепого, из застенков Арии. Его чёрные, лишённые белков глаза пронизательно вглядывались в моё лицо из-под капюшона форменного плаща. Смерч знал меня слишком хорошо, чтобы не заметить минутную заминку, но устав на плацу ВАЭТН стоял превыше всего. Я мгновенно зафиксировал серебряный лед в своём взгляде.

— Так точно, командир, — ровно ответил я, скрестив руки на груди.

Смерч коротко и понимающе кивнул, а затем повернулся к строю и заговорил громче, так, что его голос разнёсся над замершим плацем:

— Повторяю для всех. Десять минут назад радары Сектора «Химера» зафиксировали точечную вспышку на окраине Пустоши, неподалёку от заброшенного исследовательского комплекса. Это не стандартный прорыв мутантов. Сканеры выдают неискажённую частоту энергии, аномалия совершенно новая и неизвестная.

Он развернул гербовый пергамент, скреплённый тяжёлой сургучной печатью Академии, и посмотрел прямо на меня:

— Пепел, назначаю тебя командиром разведывательного отряда. Твоя задача — прибыть в квадрат, оцепить периметр и лично выяснить, что это за аномалия. Если обнаружите следы

"Псов сияния" или мутантов «Уробороса» — уничтожить без предупреждения. Борт готов на взлётной полосе. Выполнять.

— Служу Бездне, — бесстрастно отозвался я.

Прежде чем принять свиток, я замер. Полковник Алахан — суровый командир Смерч, перед которым трепетал весь факультет «Химера», — сделал шаг ближе. Вся его жесткая, армейская выправка на секунду смягчилась. Он протянул руку в тяжелой кожаной перчатке и весомо положил её мне на плечо. В глубине его черных глаз промелькнуло что-то, что Тёмные лорды почти никогда не позволяли себе показывать на людях, — живая, человеческая скорбь. — Мне тоже их не хватает, Деметрий, — негромко, так, чтобы слышал только я, произнес Смерч.

Его голос на мгновение потерял командный металл. Наставник знал моих родителей не понаслышке. Много лет назад, когда сам Алахан еще учился на последних курсах Академии и проходил практику в исследовательском институте, ему довелось работать с моими отцом и матерью над секретными архивами. Он помнил их молодыми, сияющими ангелами Арии, которые пожертвовали всем ради своего новорожденного сына-демона. Он знал, какими они были до того, как их распяли на световом кресте и превратили в пыль.

Смерч, всегда был мне как дядя. После моего спасения из Белой Цитадели этот суровый полковник стал единственным кандидатом-добровольцем на кураторство надо мной. Он не просто взял под опеку изломанного ребёнка — он целенаправленно, изо дня в день, делал упор на развитие моих самых сильных сторон. Он учил меня контролировать разрушительный Криокинез и синее пламя Истины, доставшееся мне в наследство от моих ангельских предков. Именно благодаря ему, командиру Смерчу, я стал одним из лучших курсантов-пятикурсников ВАЭТН и прямым кандидатом на роль командира собственного отряда Ликвидаторов в семнадцатилетнем возрасте. Не последнее место здесь занимал и тот факт, что я являлся чистокровным представителем высшей крови. В отличие от девяноста пяти процентов курсантов всех остальных факультетов, набранных из низов, я с рождения носил в себе частицу древнего сильного демона. Это позволяло мне применять боевую магию в два раза эффективнее и быстрее любого сверстника. Мне не нужно было осваивать её по учебникам и зазубривать формулы заново — эта древняя сила текла в моих венах с самого рождения. Что касалось того, почему другие аристократические семьи Высшего общества никогда не отдавали своих драгоценных чад в столь именитую, но жестокую академию ВАЭТН, и уж тем более на такие убойные факультеты, как «Пси-штурм», «Геометра», «Призраки» или мой родной факультет «Химера», то ответ был предельно прост. При поступлении ребёнка в одиннадцатилетнем возрасте родители его больше никогда не увидят. По крайней мере — до полного окончания высшей военной или фармацевтической школы. А смертность на боевых факультетах при вылазках за стену в пустошь была запредельно, катастрофически высока. Лорды Тёмной стороны слишком дорожили наследниками, чтобы швырять их в эту мясорубку. Но у меня выбора не было. Судьба и наставник Алахан всё решили за меня.

Моё плечо под его ладонью словно налилось свинцом. Шрамы от пыток на груди заныли сильнее, но ледяная маска Пепла даже не дрогнула. Выжженные эмоции не позволили мне ответить ему тем же. Прошлое было мертвым.

— Мне пора на задание, командир. Отряд уже ждёт, — бесстрастно произнес я, аккуратно ведя плечом, чтобы сбросить его руку.

Смерч коротко, тяжело вздохнул и убрал ладонь, снова превращаясь в каменного полковника ВАЭТН. Я развернулся на каблуках и ровным, чеканным шагом направился к лёгному ангару. Часы на портупее неумолимо тикали, а впереди меня ждали мёртвые земли Пустоши и точечная вспышка Тьмы.

***

Спустившись в оружейный отсек при лётном ангаре, мы первым делом сменили повседневные кители на глухую полевую форму для зачистки зараженных территорий. Износостойкий комбинезон матово чёрного цвета, пропитанный защитными алхимическими составами, сел на тело как влитой — он не горел, не промокал и частично блокировал ментальные атаки. Поверх него я затянул тяжелый разгрузочный жилет. Вместо привычных подсумков для магазинов АК, на нем располагались жесткие кожаные кофры для свитков, капсул с зельями, амулетов, а так же кобура с тяжелым автоматическим пистолетом под левым плечом. Ниже комбинезон переходил в тяжёлые, высокие армейские ботинки на толстой рельефной подошве, плотно фиксирующие голеностоп прочной шнуровкой. На правой ноге, прямо поверх плотной ткани в районе икры, анатомическими ремнями крепились скрытые ножны. Они были не просто чехлом, а сложнейшим индукционным коконом. Изнутри этот кокон был полностью покрыт энергоактивными кристаллами. Каждый раз, когда мой верный атам покоился внутри, ножны едва заметно, убаюкивающе гудели — кристаллы выжигали с лезвия въевшиеся остатки скверны мутантов и одновременно подзаряжали выгравированные на клинке руны чистой первородной энергией. При извлечении ножа внутренний фиксатор мгновенно разжимался, издавая хлесткий, сухой тактический звук, оповещающий о полной боевой готовности. Проверив фиксацию тактического браслета и цепочки аурометра, я застегнул маску-респиратор и шагнул на аппарат.

Тяжёлый десантный шаттл-крейсерского класса на бешеной скорости шёл к заданным координатам всплеска, закладывая крутые виражи в рваных облаках Скверны. Мои бойцы сидели неподвижно, проверив затворы пистолетов и зафиксировав разгрузочные жилеты. Я молча смотрел в иллюминатор на приближающуюся землю Мёртвых Мегаполисов Дессы.

— Выходим на точку, командир! Торможение через три, две... Приготовиться! — рявкнул пилот в динамиках.

Корабль резко закинул нос вверх, гася скорость астральными двигателями. Но стоило аппарели пойти вниз, едва коснувшись серой пыли Пустоши, как воздух снаружи буквально разорвался от дикого, утробного воя. Радары оцепления «Химеры» опоздали всего на секунду.

— Засада! Мутанты! — выкрикнул сержант, с ходу открывая огонь из штурмового автомата.

Из придорожного тумана и каменных расщелин прямо на шаттл лавиной хлынула стая чудовищ. Это были самые омерзительные порождения утерянного Сектора «Уроборос» — внешне они отдалённо напоминали людей, но у них полностью отсутствовала кожа. Их тела, полыхающие багровой плотью, были туго обтянуты мощными мышцами. Твари передвигались на четырех конечностях с пугающей скоростью, а их вытянутые челюсти, лишённые губ, скалились рядами длинных, острых как иглы зубов. Один из бескожих прыгнул прямо в открытый проём штурмового отсека, целясь мне в горло. Я даже не шелохнулся. Клинок моего ритуального атам с сухим металлическим щелчком покинул индукционный кокон. Одним выверенным движением я перехватил тварь в воздухе, всаживая гранёную сталь ей прямо между слепых глаз. Синее холодное пламя сорвалось со стали, мгновенно выжигая поврежденную ДНК твари изнутри. Монстр замертво рухнул на аппарат, осыпаясь едким серым прахом.

— Первый взвод — круговая оборона! Сдерживать фланги! — жестко приказал я, активировав встроенную в маску-респиратор рацию лёгким щелчком кнопки на тактическом браслете запястья — Не тратьте серебряные пули на рядовых мясоедов, бейте свинцом! Ликвидаторы пятого курса работали слаженно. Лёд моей магии заковывал бескожих тварей в прочные глыбы, которые парни тут же крошили шквальным огнем.

За несколько минут яростного боя вся стая была ликвидирована, оставив после себя лишь лужи темной дымящейся жижи. Убедившись, что периметр временно чист, я бросил взгляд на аурометр. Стрелка прибора бешено крутилась, указывая на массивные полуразрушенные двери стоящего неподалёку заброшенного комплекса «УРОБОРОС»

— Отряд, за мной. Оружие к бою, — скомандовал я, направляясь к пролому в титановой стене старого здания. Стоило нам перешагнуть порог комплекса, как в нос ударил густой, удушливый смрад. Запах разложения, алхимических кислот и застоявшейся крови был настолько сильным, что бойцы за моей спиной судорожно зажали фильтры масок на лицах.

— Превеликая Бездна... Ну и вонь! — воскликнул один из Ликвидаторов. Его голос, пропущенный через встроенные динамики маски, прозвучал глухо, неестественно, с резким металлическим искажением. Следом отозвался другой боец, испуганно водя стволом штурмовой винтовки по тёмным углам холла. Электронный Окуляр Бездны на его шлеме нервно защёлкал.

— Что за бойня здесь была? — его голос дрогнул — Командир, тут повсюду останки.

— Молчать, — ледяным тоном оборвал я их перешептывания, даже не обернувшись. Мой палец вновь коснулся кнопки радиации на тактическом браслете — Смотреть по сторонам. Мы в закрытом Секторе. Здесь не должно быть ничего живого.

Я продолжал идти вперёд, хладнокровно переступая через искаженные конечности тварей.

Огромный пустой зал был буквально завален трупами: обрубки тел мутантов, сгнившие аномальные животные, кости и почерневшие туши, которые когда-то были живыми существами. Всё это гнило здесь годами, порождая плотный, вибрирующий в воздухе туман. Я шёл первым и с каждым шагом пульс в груди ускорялся, а шрамы под формой начинали гореть всё невыносимее. Мы вышли в центр главного холла, и я замерев, поднял голову вверх. Над всей этой жуткой, смердящей горой гниющей падали, под самым потолком, разорвав титановые перекрытия, пульсировали толстые ветви ядовитого аномального плюща. Острые шипы растения туго обвивали хрупкое тело. Там, высоко над полом, подвешенная на живых плетях, находилась девушка. На ней не было абсолютно никакой одежды — ядовитые побеги впивались прямо в её бледную, как мрамор кожу. Её длинные волосы каштаново-рыжего цвета грязными прядями свисали вниз, а веки были плотно закрыты. Она находилась в глубочайшем «Ведьмином анабиозе», и её тело едва заметно содрогалось от парализующего сока растения. Позади меня один из бойцов отряда резко вскинул оружие. Электронный Окуляр на его тактическом шлеме мгновенно поймал фигуру в прицел.

— Цель зафиксирована! Стрелять на поражение? — рявкнул он. Его голос пропущенный сквозь встроенную радиацию, раздался в моём наушнике ватным шипением.

— Отставит огонь — Мой приказ прозвучал по внутренней связи как удар хлыста — резко, оглушительно и смертельно холодно. Я не единым мускулом лица не выдал того, урагана, что рвал меня изнутри.

В первый миг я не узнал её. Прошло слишком много лет, а гнетущий смрад и Скверна Пустоши мешали сканерам Окуляра Бездны выдать чёткий результат. Для меня она была лишь неизвестной выжившей аристократкой, чью энергию засекли наши радары.

Я сделал шаг вперёд, взбираясь по обломкам титановой стены и поднялся к пульсирующим ветвям. Перехватив поудобнее ритуальный кинжал-атам, я занёс руку над девушкой, готовясь перерубить удерживающие её путы. Моё лезвие аккуратно скользнуло по толстому стеблю, и в этот момент я случайно, едва заметно, коснулся тыльной стороной ладони её обнажённой кожи. Ток. Дикий, сокрушительный разряд статического электричества прошёл моё тело от кончиков пальцев до самого сердца. Мой темный сгусток души в груди выдал такой мощный толчок, что ледяной щит самоконтроля разлетелся в пыль. Из глубин её спящего разума навстречу мне вырвался оглушительный всплеск чистой, необузданной энергии — частота в частоту, один в один похожая на мою собственную. Серебряные глаза остекленели. Ошибка была исключена. Моя связь с ней узнала её мгновенно. Алистра. Восемь лет поисков. Моя потерянная сестра висела посреди этого кошмара. Лицо осталось маской, но движения стали молниеносными. Одним точным ударом атама я срезал оставшийся ядовитый плющ. Плети безжизненно обмякли, и лишённое опоры тело девушки плавно упало прямо на меня. Я пере-

хватил её, крепко прижимая к своей груди. Не теряя ни секунды, я мгновенно активировал свою магию. Послушные волны хлынули через мои ладони, соткавшись прямо из воздуха в плотную, защитную накидку, похожую на тёмный плащ. Я бережно укутал в него девушку, скрывая её от едкого тумана и посторонних глаз. Затем я уверенно поднял на руки её невесомое тело.

— Кто это, командир? Зараженная? — Послышался у меня за спиной вопрос одного из Ликвидаторов. Его Окуляр слегка затрещал, пытаясь пробить плотную защиту накидки.

— Нет, она обычный человек. Доставим её в Химеру, — ровным, приказным тоном бросил я отряду, спрыгивая на пол и направляясь к выходу. — Оружие к бою. Периметр в оцепление.

Я нёс её на руках по коридорам к шаттлу, а в голове стучала лишь одна бешеная мысль: Инквизиция и Селестиан не должны узнать, кто она такая.

***

Тяжёлая гидравлическая аппарель тактического крейсера с грохотом поднялась, намертво отсекая нас от ядовитого смрада заброшенного города. Я прошёл в самый дальний, погружённый в полумрак угол десантного отсека и бережно опустил укутанную в накидку Алистру на металлическое сиденье. Её каштаново-рыжие волосы разметались по моим коленям, а тело всё ещё оставалось пугающе холодным, скованным «Ведьминым анабиозом». Мои бойцы молча занимали свои места, тяжело дыша после боя с бескожими тварями. Я обвёл их ледяным взглядом ртутных глаз и жёстко, чеканя каждое слово, произнёс:

— Я лично доложу командиру обо всём, что мы здесь нашли. Ваша задача — держать языки за зубами. В рапортах укажете стандартную зачистку бродячей стаи. Периметр чист, Псов не обнаружено. Помалкивайте, если не хотите до конца дней разгребать радиоактивный мусор на дальних рубежах.

Ликвидаторы пятого курса коротко кивнули. Они знали, что с Пеплом шутки плохи. Я отвернулся, делая вид, что проверяю фиксацию защитного покрывала на девушке, а сам незаметно потянулся к рации встроенной в браслет. Пальцы в матовой перчатке быстро переключили тумблер на глухую, зашифрованную частоту, которую знал только один демон во всей Академии. Тот, кому я мог доверить свою жизнь. И её жизнь тоже.

— Вектор, это Пепел, — тихо произнес я в микрофон, глуша голос гулом астрального двигателя. — Мне нужен закрытый бокс в медицинском секторе «Химеры». Немедленно. Подготовь сканеры ауры и антидоты. Я везу груз особого назначения.

— Пепел? — в динамике раздался вкрадчивый, слегка удивленный голос Вектора, в котором прорезались рычащие, хищные нотки его внутренней сущности. — Ты же на зачистке за Стеной. Что за груз? Мутанты? Радикалы?

— Хуже, — отрезал я. — Это Алистра.

На том конце провода повисла тяжелая, оглушительная тишина. Вектор, он же Маркус, будучи на седьмом курсе фармацевтического факультета и работая в исследовательском институте, знал обо мне всё. Он знал про Белую Цитадель, про Ключи от Врат в моей голове и про то, что я восемь лет искал призрак своей сестры. Его уникальный допуск во все ведомства — от порталов «Гермеса» до генетических лабораторий «Химеры» — делал его самым опасным и самым полезным демоном в этих стенах. Именно он собирал меня по частям после вызволения из плена.

— Принял, — наконец выдохнул медик, и его голос стал предельно серьезным. — Через десять минут в ангаре три. Я отключу камеры слежения на твоём пути. Поторопись, Пепел. Если Инквизиция перехватит вас на КПП, нас обоих распылят.

Я убрал рацию, чувствуя, как демоническая сила начала медленно успокаиваться. Я был уверен, что предусмотрел всё. Коридоры «Химеры» были слепой зоной для обычных патрулей, а Маркус умел замечать следы лучше Инквизиции. Но в своей отчаянной, безумной радости от

находки я совершил главную, роковую ошибку Ликвидатора — на секунду ослабил бдительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.